

С.В. Савчук

**Категория «вины» в праве:
презумптивность фикции
или фиктивность презумпции**

Наука права вступила в такой период своего развития, когда методология опережает саму теорию. Научный метод одержал победу над наукой. Некоторый эстетический вкус породил веру в живописный эффект истины, которую только и может открыть метод. Мы до такой степени верим в метод как творца теории, что даже не задумываемся, почему на основе десятка хороших методов права не создано новой оригинальной теории права, которая могла бы эффективно решить проблемы права¹. Наше мышление само уже заключает в себе эту веру.

Все, что создается, есть некоторое конечное явление, некоторый заключительный акт и не является причиной чего-либо. Причина вымышляется после того, как действие уже совершилось². Найденная причина в основном не адекватна действительной причине. Это только нащупывание, основанное на опыте старых интерпретаций, хранящем в себе также и следы всех былых ошибочных причин (фикций), заблуждений. На языке чего-то старого, знакомого выражаем нечто новое. Пробуем понять. Однако ясность понимания начинается лишь тогда, когда видим причину, когда обращаемся к реальности, в силу которой актуализируется познавательный процесс. Проблема реальности ведет к теории (сущности), теория — к методу. Новый эффективный метод всегда является результатом осмысления самой теории, появление которой спровоцировала реальность как первичная цель научного исследования. Это целиком относится и к проблеме вины, основная сложность которой заключается прежде всего в следующем: презумпция вины (или же невиновности) как средство законодательной техники опережает саму теорию вины. Едва ли найдется в юриспруденции другое понятие, юридический смысл которого так неодинаково толковался различными представителями правовой науки.

В теории уголовного права достаточно подробно освещены нормативная, оценочная, финальная, объективная и психологическая концеп-

¹ См.: Козловський А.А. Наука методології права — як «антинаука» // Український правовий часопис. — 2004. — № 6 (11). — С. 76—77.

² См.: Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. — М., 2005. — С. 278—279.

ции вины¹. Каждый волен разделять одну или несколько из указанных позиций или совершенно иную концепцию вины, будь-то теория опасного состояния². Не воссоздавая анализ данных точек зрения, обратим внимание лишь на то, что в отечественном уголовном праве (ст. 23, 24, 25 УК Украины) отражено социально-психологическое понимание вины с примесью оценочных элементов. По существу, оценивается: во-первых, психическое отношение лица к самому факту поведения; во-вторых, психическое отношения лица к социальной составляющей поведения. Лицо осознает или не осознает общественно опасный характер своего деяния. Предусматривает или не предусматривает его общественно опасные последствия (в частности, возможность их наступления). Желает или не желает их наступления.

Традиционно в содержании вины выделяют два момента: интеллектуальный (осознание лицом характера своих действий и предвидение их последствий) и волевой (желание последствий, сознательное допущение, расчет на предотвращение последствий). Разумеется, неосознанных волевых действий не бывает. За волевой активностью стоит работа сознания³. Воля всегда присутствует в сознательном поведении. Волевое действие — целенаправленное, а значит, предполагает осознанность преследуемой цели, возможность контроля над своими действиями, а также вероятные последствия. Указание на психологический механизм волевой регуляции (способность намеренного изменения смысла действий) заложено в институте вменяемости (ст. 19, 20 УК Украины). Действия вменяемого лица — всегда волевые действия, при которых лицо осознает характер и возможные последствия своих действий и может руководить ими. Вменяемость субъекта преступления является психологической основой (составной) вины.

Однако выделение в вине указанных выше моментов не прослеживается в законодательном определении ее форм. При изложении формул вины частично или полностью отсутствуют интеллектуальные и волевые моменты. Так, в дефиниции преступной самоуверенности частично отсутствует интеллектуальный момент (а именно осознание лицом характера своего деяния), а сама воля не является асоциальной. В законодательном

¹ См.: *Вереша Р.В.* Поняття вини як елементу змісту кримінального права України. — Київ, 2005. — С. 10—46; *Склярів С.В.* Вина и мотивы преступного поведения. — СПб., 2004. — С. 7—21; *Козлов А.П.* Понятие преступления. — СПб., 2004. — С. 551—579.

² См.: *Лунеев В.В.* Субъективное вменение. — М., 2000. — С. 10—12.

³ См.: *Иванников В.А.* Воля: миф или реальность // Вестник Московского университета. — Сер. 14: Психология. — М., 1993. — № 2. — С. 70—73.

определении небрежности игнорируется волевой момент. Исключение составляет дефиниция умышленной формы вины, позволяющая четко выделить интеллектуальный и волевой моменты умысла.

Кроме того, в общем определении вины (ст. 23 УК Украины) предусматривается психическое отношение лица и к совершенному деянию, и к его последствиям. Данное отношение в полной мере охватывается содержанием как прямого, так и косвенного умысла (ст. 24 УК Украины), чего не скажешь про неосторожность (ст. 25 УК Украины). Преступная самоуверенность и небрежность фактически раскрываются через психическое отношение лица только к последствиям: лицо предвидит или не предвидит возможность наступления общественно опасных последствий. При этом возникает вопрос, убедительный ответ на который невозможно найти в теории уголовного права: «Что же предвидит лицо — общественную опасность или противоправность своего поведения?».

Исходя из изложенной законодателем конструкции понятия форм вины, которым свойственно или не свойственно предвидение, можно заметить, что самоуверенность не вписывается в критерии неосторожной формы вины. Если лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, значит, оно и осознает общественную опасность совершаемого деяния, однако легкомысленно рассчитывает на их предотвращение.

Предшествующие рассуждения подвели нас к мысли об отсутствии системы построения форм вины, унифицированного подхода к определению ее форм в УК Украины. Законодатель, классифицируя вину традиционно на умысел и неосторожность, фактически все же выделяет два класса (формы) вины: первый — небрежность; второй — умысел, который, в свою очередь, состоит из (и которые отличаются степенью предвидения) прямого и косвенного умысла, а также самоуверенности.

Законодательная конструкция самоуверенности в большей степени вписывается в специфику умысла. В обоснование этого утверждения актуализируем вопрос: могут ли преступления с формальным составом совершаться с неосторожной формой вины? Судебно-следственная практика свидетельствует о такой возможности с одной оговоркой — исключительно в виде преступной самоуверенности, но не небрежности¹. Сами по себе деяния, предусмотренные формальными составами, представляют достаточную опасность, чтобы признать их оконченными вне зависимости от наступления каких-либо материальных последствий и, соответственно, уголовно на-

¹ См.: *Нерсесян В.А.* Ответственность за неосторожные преступления. — СПб., 2002. — С. 87—91; *Иванов Н.* Умысел в уголовном праве России // *Российская юстиция.* — 1995. — № 12. — С. 16—18.

казуемыми. Лицо предвидит возможность наступления вредных последствий, следовательно, оно и сознает, что его действия нарушают определенные правила поведения, меры предосторожности. Степень уверенности лица в расчете на ненаступление (предотвращение) общественно опасных последствий своего деяния целесообразно учитывать, в рамках умышленной формы вины, при индивидуализации уголовной ответственности.

Из сказанного вытекает вывод, который определяет нашу позицию по рассматриваемой проблеме: невозможно дать логическую дефиницию оценочному понятию. Иначе понятие с открытой структурой утратит свое значение в праве. Следует определить общие подходы к использованию понятия вины в раскрытии асоциальных свойств личности. Оценка вины зависит от лиц, участвующих в сборе и анализе фактов, зафиксированных в установленном порядке в качестве доказательств. При этом затруднительность установления существенных фактов (законных компетентных доказательств) преодолевается использованием презумпции невиновности (ст. 2 УК Украины).

Презумпция значительно упрощает судебный процесс, во-первых, освобождая участников процесса от доказывания презюмируемых фактов, и, во-вторых, распределяя бремя опровержения фактов, которые закон признает за существующие, исходя из степени их вероятности¹. Так, суд, используя презумпцию невиновности, фактически экономит процессуальные средства и усилия — устанавливает только закрепленный в гипотезе презумптивной нормы наличный факт совершения преступления, с которым связано предусмотренное в диспозиции предположение невиновности как факт презюмируемый и который выступает основой обвинительного или же оправдательного приговора. Пассивность в предоставлении опровергающих предположение невиновности лица доказательств практически означает проигрыш обвинителем дела.

В основе презумпции — принцип причинности. По сути, презумпция является неполным индуктивным умозаключением о взаимосвязи факта наблюдаемого и факта предполагаемого. Данное правдоподобное умозаключение дает вероятное суждение, не исключающее ошибку². Другими словами, в презумпциях отражена достаточно высокая степень логической вероятности тех обобщений множества частных случаев, которые положены в их основу. В связи с этим обращает на себя внимание минимальная степень вероятности презумпции невиновности: по абсолютному большин-

¹ См.: Кузнецова О.А. Презумпции в гражданском праве. — СПб., 2004. — С. 7.

² См.: Рузавин Г.И. Логика и аргументация. — М., 1997.

ству подозреваемых в совершении преступления вступают в законную силу обвинительные приговоры суда. Не устраняет ли такая степень вероятности презумпции невиновности вероятный характер самой презумпции, возведенной в ранг общеправового принципа права? Если нет, то получается, что презумпции могут быть маловероятными и даже фиктивными, а значит, и заведомо неистинные (фиктивные) положения могут нести ту или иную степень вероятности¹? Почему именно презумпции с небольшой степенью вероятности (например, презумпция невиновности или же презумпция знания законов) в основном относятся к общеправовым презумпциям, имеющим значение принципов права?

Маловероятность таких презумпций не делает их фикциями. Если презумпция зиждется на приравнивании вероятного (возможного) к истинному, то фикция сознательно отождествляет истинное с заведомо неистинным (ложным) предположением². Презумпция является не чем иным, как предположением истины с определенной, пусть даже и малой, степенью вероятности истинности. Фикция же закрепляет заведомо не соответствующее действительности положение о чем-либо. Нет презумпции, если возможное не предполагается. Как и нет фикции, если невероятное не утверждается.

Логическая природа фикции обуславливает логику самой нормы-фикции, структурно-смысловое единство ее элементов — гипотезы (условие действия фикции) и диспозиции (зафиксированное ложное положение). С этих позиций рассмотрим структуру фикции, содержащейся в статье 88 УК Украины: «Лица, осужденные по приговору суда без назначения наказания или освобожденные от наказания или же отбывшие наказание за деяние, преступность и наказуемость которого устранена законом (*гипотеза*), признаются не имеющими судимости (*диспозиция*)». Судимость как бы исчезает, хотя фактически она и имеет место. Иными словами, норма-фикция, будучи императивной и неопровержимой, конструируется следующим образом: «Если *A*, то *B* считается *C*».

Презумпция как построенное в форме неполной индукции правдоподобное заключение всегда опровержима. В силу логического механизма своего порождения норма-презумпция соответствует схеме: «Если *A*, то предполага-

¹ См.: Курсова О.А. Юридические фикции современного российского права: сущность, виды, проблемы действия // Проблемы юридической техники: Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова. — Н. Новгород, 2000. — С. 455.

² См.: Ойгензихт В.А. Презумпции в советском гражданском праве. — Душанбе, 1976. — С. 61; Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. — М., 1974. — С. 222.

ется *В*, пока не доказано *не-В*». Вернемся опять-таки к презумпции невиновности (ст. 2 УК Украины), в структуре которой, как и любой другой презумпции, можно выделить, во-первых, *гипотезу* как условие действия презумпции (наличный факт совершения преступления); во-вторых, *диспозицию* как презюмируемый факт («лицо считается невиновным в совершении преступления») и, в-третьих, *контрдиспозицию* как потенциальную возможность опровержения диспозиции («пока вина лица не будет доказана в законном порядке и установлена обвинительным приговором суда»).

Обобщая изложенное, с определенной обоснованностью подчеркнем, что и презумпции, и фикции как приемы законодательной техники суть особенные способы построения нормативных предписаний, преодоления состояния неопределенности в правовой реальности.

Среди массива презумпций возможно выделить фундаментальные презумпции, отражающие онтологические основания права и, соответственно, имеющие значение юридического императива принципов права. Таково, в частности, значение презумпции знания законов в праве, презумпции невиновности — в уголовном праве, презумпции вины — в гражданском праве. Сложности опровержения императивных презумпций не исключают возможности опровержения как гипотезы (условия действия), так и диспозиции (предполагаемого заключения) применительно к конкретному юридическому факту путем доказательства противного. Диспозиция нормы презумпции всегда носит вероятный, а не категорический характер. Если при использовании презумпции невиновности в уголовном праве будет доказано обратное (виновность лица в совершении преступления), то процесс индукции, в силу обнаружения случая противоположного вероятностному выводу, заканчивается. А сама презумпция не используется, хотя в статике презумпция как норма сохраняется.

Презумпции констатируют предположения. При наличии условий, предусмотренных в гипотезе, диспозицию презумпции возможно только опровергнуть. Нет необходимости доказывать то, что уже предполагается.

Динамика презумпций во многом предопределяет развитие самого права, изменение содержания его норм. Однако действие презумпций нередко игнорируется в самом процессе: на лицо возлагается обязанность доказать свою непричастность к совершению преступления либо суд отказывает во взыскании причиненного ущерба на том основании, что вина ответчика не доказана истцом. Тем самым необоснованно расширяется предмет доказывания по делу.

В уголовном процессе невиновность лица предполагается уже в силу презумпции невиновности и, соответственно, в гражданском процессе виновность лица — в силу презумпции вины.

Согласно статье 614 ГК Украины, «отсутствие своей вины доказывает лицо, нарушившее обязательство». Другими словами, если совершенно гражданское правонарушение (*гипотеза*), то правонарушитель предполагается виновным (*диспозиция*), пока сам же не докажет обратное (*контрдиспозиция*). Действующее законодательство исходит, по сути, из возможности проявления лицом адекватной условиям гражданского оборота осмотрительности, принятия всех зависящих от лица мер для исполнения обязательства. Ответчик, обосновывая отсутствие причин ненадлежащего исполнения или же неисполнения обязательств, тем самым опровергает свою вину как презюмируемый факт.

Но остается вопрос, неизбежно затрагивающий понятие вины, если в гражданском праве презюмируется вина, то в какой форме? На кого из участников судебного процесса ложится бремя установления форм вины? Какую степень вины, если она имеет значение для возникновения ответственности или же дифференциации ее размера, предполагать при неопровержении ответчиком презумпции вины?

Отвечая на эти вопросы, необходимо обратить внимание на то, что законодатель, во-первых, раскрывает понятие вины через определение условий невиновности и, во-вторых, оперируя категориями умысла и неосторожности, не дает их дефиниции (ст. 614 ГК Украины).

Умысел и неосторожность обычно упоминаются в Кодексе мимоходом, хотя и довольно часто; как правило, они просто констатируются (ст. 229, 337, 340, 614, 616, 727, 853, 858, 950, 991, 1187, 1193, 1224 ГК Украины). А ведь указанные категории несут на себе колоссальную теоретическую и практическую нагрузку. Вероятно цивилисты, отстранившись от разработки концепции вины, ориентируются на отраженное в уголовном праве социально-психологическое понимание вины. Если принять данное научное предположение как гипотезу, требующую активизации познавательного процесса для выдвижения теории, то остается неясным, в частности, чем же вызвано несоответствие гражданско-правового понимания форм вины с законодательным определением ее форм в уголовном праве.

Гражданский кодекс акцентирует внимание на умысле (не выделяя его виды) и грубой неосторожности, тем самым, подчеркивая возможные степени вины — грубую и простую. Не вдаваясь в дискуссию относительно совокупности обстоятельств, анализ которых позволяет сделать вывод о степени вины¹, заметим, что возникновение гражданско-правовой ответственности иногда непосредственно зависит от установления в судебном про-

¹ См.: Кузнецова О.А. Презумпции в гражданском праве. — СПб., 2004. — С. 176—179.

цессе определенной формы и (или же) степени вины. И именно в этих особенных случаях целесообразным является использование презумпции невиновности, поскольку бремя установления формы (степени) вины лежит на всех участниках судебного процесса, и прежде всего истец обязан доказать вину ответчика (например, при определении размера денежной компенсации морального вреда). «Кто утверждает, что нечто совершено с умыслом, хотя бы это утверждение было высказано путем эксцепции, должен доказать, что (противник) виновен в умысле» — с пафосом провозглашал Ульпиан (Д. 22.3.18)¹. В противном случае, то есть когда закон не предусматривает конкретной формы и степени вины как условия возникновения гражданско-правовой ответственности, действует презумпция вины. Вина предполагается в силу неопровергнутой правонарушителем презумпции вины. Формы вины при этом не устанавливаются.

Безусловно, высказанные в настоящей статье соображения не претендуют на исчерпывающее и окончательное решение всех затронутых проблем. Ее главная цель — в предложении продолжить обмен мнениями, но отнюдь не в стремлении утвердить одну точку зрения, отвергая иные.

В.Т. Азизова

**«Единое правовое пространство»
как новая законодательная дефиниция
в системе законодательства Российской Федерации**

Правовая реформа в Российской Федерации, связанная с изменением сущности российской государственности, привела к концептуальной перестройке системы законодательства и появлению в ее рамках новых законодательных дефиниций. Подобный динамизм свидетельствует об объективных процессах системного развития и свойствах отражения происходящих реалий в законотворческом и правоприменительном процессах. Одной из таких дефиниций, появившихся в российском законодательстве совсем недавно, является, на наш взгляд, правовая категория «единое правовое пространство». Несомненна спорность ряда вопросов, связанных с указанной правовой категорией: неоднозначность восприятия данной дефиниции в целом, возможность ее существования, многообразие подходов к содержанию, отграничение от смежных и похожих категорий и т. д.

¹ Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. — М., 2004. — Т IV. — С. 241.